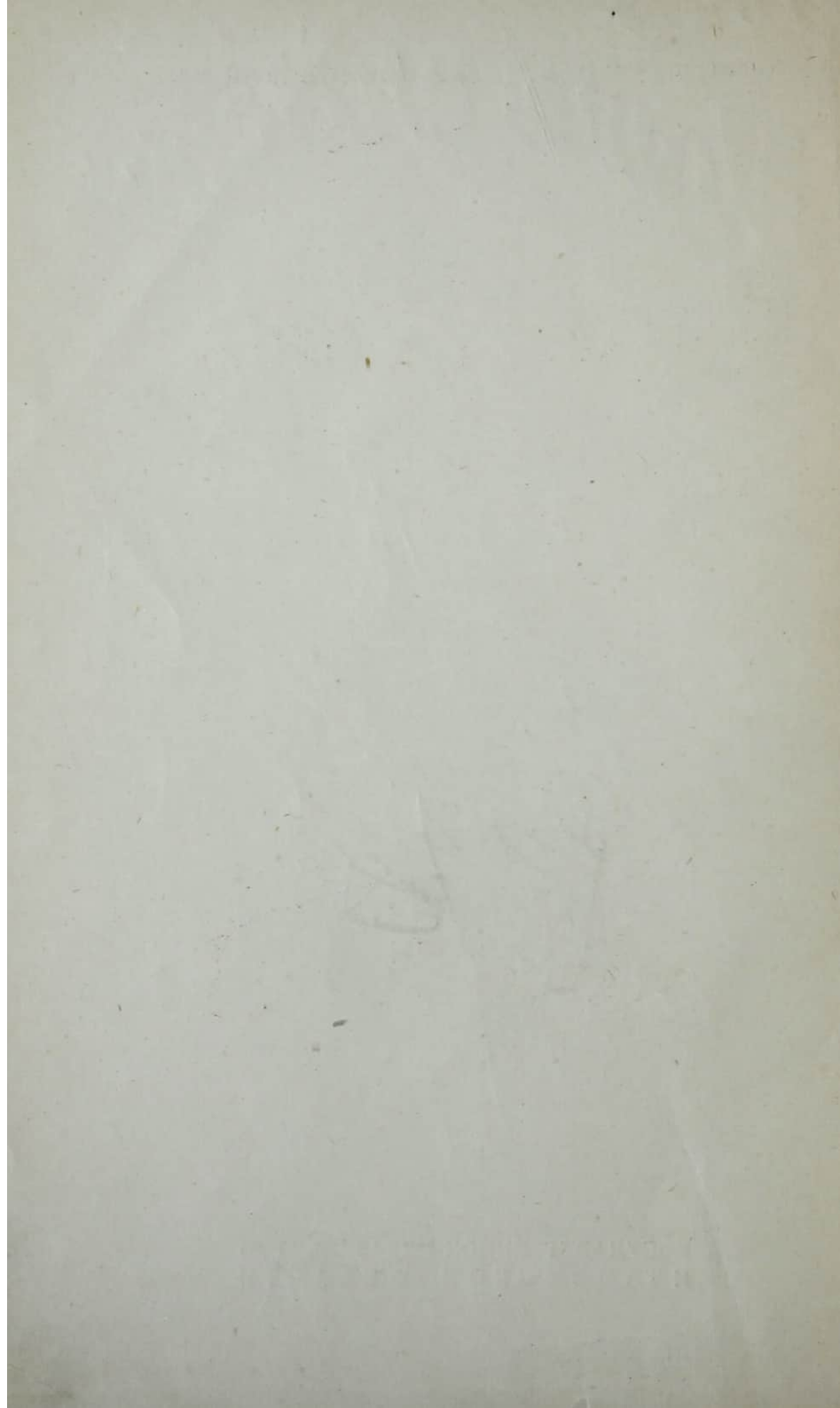

7373к. 7

Паше счастье

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Наше счастье

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

1937

112010

1941

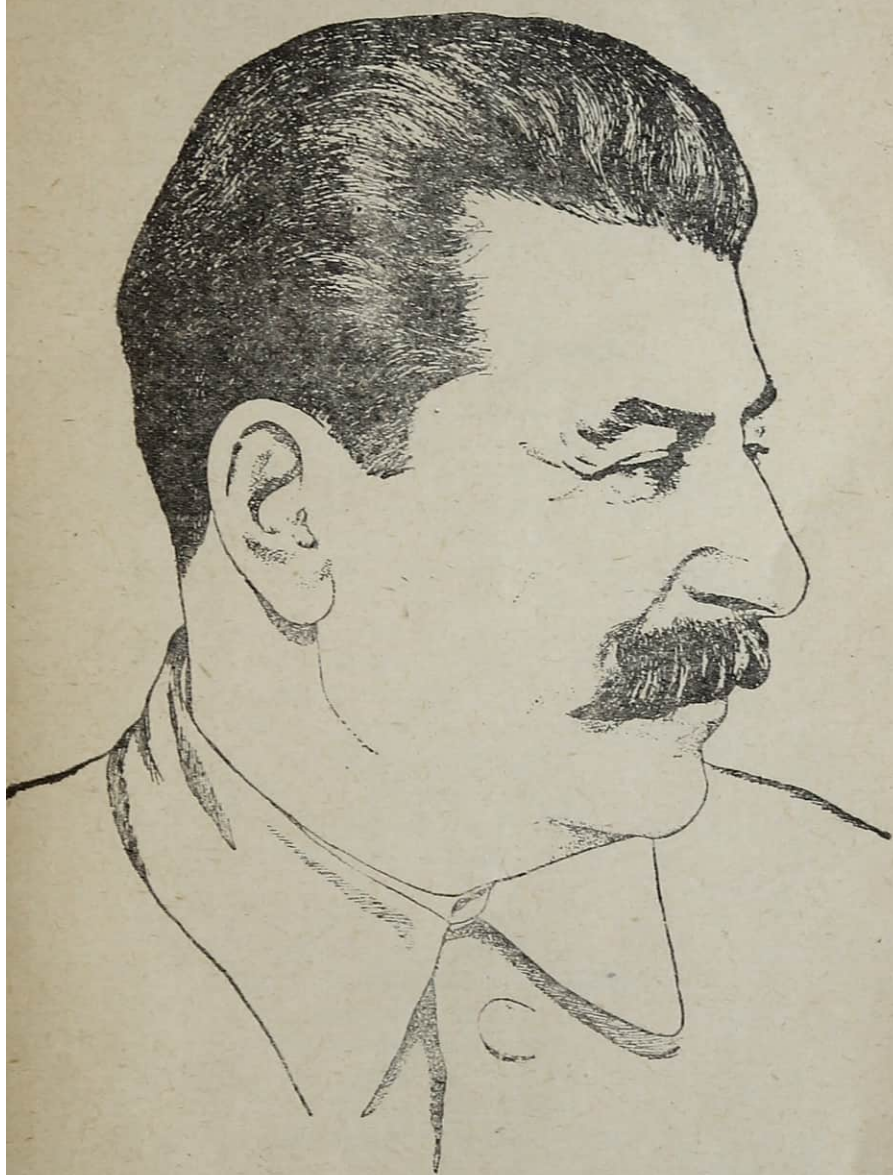
94

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

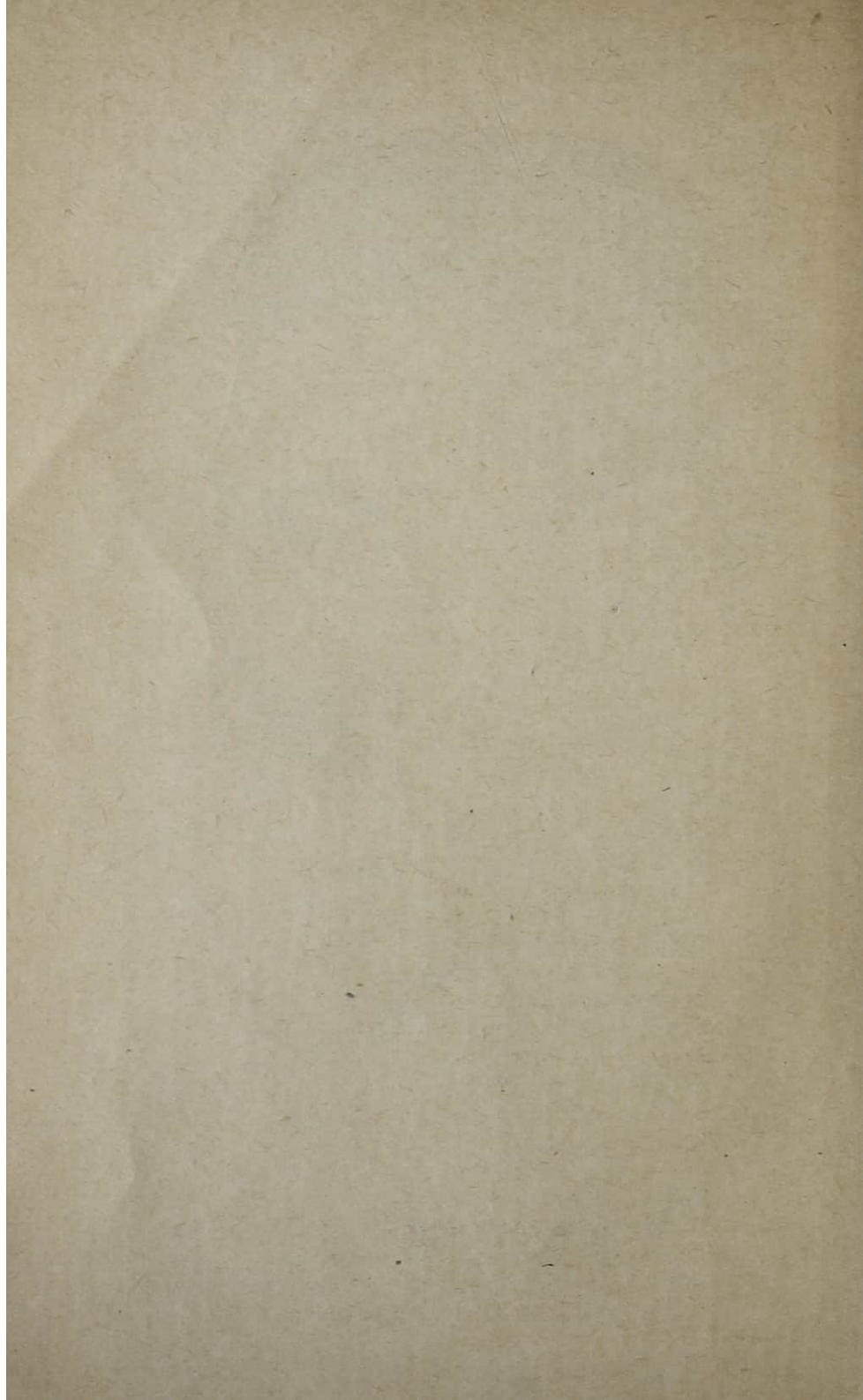
THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

513119

И. В. СТАЛИН

*Сталинская Конституция СССР — итог борьбы
и побед Великой Октябрьской Социалистической
революции. Да здравствует Конституция победив-
шего социализма и подлинного демократизма!*

СТАЛИН

Наш путь широк неизмеримо,
Над нами светел небосвод.
С тобой, учитель наш любимый,
Мы смотрим радостно вперед.
Вся жизнь, что дышит свежей новью
По городам, полям родным —
Озарена твоей любовью,
Великим именем твоим.

Как солнце вешнее прекрасно,
Второе солнце — твой Закон, —
Оно торжественно и ясно
Горит — равно для всех племен.
Весна счастливая, живая
Цветет под солнцем молодым,
И вся страна полна до края
Великим именем твоим.

Работа честная почетна,
Она прославлена вокруг.
Владеть комбайном, ткать полотна
Умеют миллионы рук.
Мы создаем большие реки,
Пути указывая им.
В труде мы спаяны навеки
Великим именем твоим.

Наукой окрыляя волю,
Растут герои наших дней.
На недоступный снежный полюс
Летят громады кораблей.
О, сколько мы счастливым внукам

Чудесных дел передадим!..
Открыты все пути к наукам
Большим именем твоим.

Мы ищем мира. Нам не надо
Чужих земель и городов.
Но не найдет у нас пощады
Орда разнузданных врагов.
Им не видать советских пашен.
Мы злую свору истребим
Огнем, железом, силой нашей,
Большим именем твоим.

В любом краю моей отчизны
Я буду встречен как родной:
Мы — сыновья свободной жизни,
Мы — дети матери одной.
Я слышу голоса привета
И песней отвечаю им,
И песня бодрая согрета
Большим именем твоим.

А. Благов.

ЗА ПАРТИЮ,
ЗА СТАЛИНА!

Дни грохотали
грозою военной.
Вьюги свинцовые
цели вокруг...
С Лениным рядом
шагал неизменно
Верный соратник,
товарищ и друг.

В схватках жестоких
себя не жалея,
Мы не склонили
знамен боевых.
Мы победили.
Но спит в мавзолее

Солнечный Ленин
спокоен и тих.

Спит он
под яркими звездами башен,
Дело свое
на земле совершив,
Спит он,
но дух его в партии нашей.
В сталинской мудрости
вечен и жив.

Творческой мыслью,
разгаром работы
Льется за годом
наполненный год.
На небывалые
в мире высоты
Родину славную
Сталин ведет.

Вождь и учитель,
дает он отчизне
Самый свободный
на свете Закон...
Веселы песни
на празднике жизни,
Радостны взлеты
рабочих знамен.

Наша дорога —
расти и учиться,
Зная, что,
силы могучей полна,
Встретить любого
врага не боится
Двадцатилетняя наша страна.

И для того,
чтобы счастье утроить,
Силу, богатство
грядущих лет,
Чтобы победно
бороться и строить —
Лучших пошлем мы
в Верховный Совет.

И не померкнет
родная свобода,
Не охладее
дыханье весны:
Правде и мужеству —
голос народа,
Нашему Сталину —
голос страны.

А. Благов.

О КОНСТИТУЦИИ

Сквозь толщу лет
И горькое страданье,
Сквозь дым войны,
Густой туман и пыль
Я вижу быль,
Ставшую преданьем,
Народом трижды
Проклятую быль.

Она сушила
Волю у истоков,
Давила мысль
Со всех сторон.
Народ хотел летать,
Как сильный сокол, —
Летать народу
Запрещал закон.
Закон учил:
— В своем бунтарстве кайся!
Закрой глаза
Иль не гляди вперед.
Закон гласил народу:
— Пресмыкайся!
Но пресмыкаться
Не хотел народ.
И было тяжело,
И было больно...
Я помню детство,
Полусгнивший дом.

Отец желал
Быть гражданином вольным, —
Закон приказывал:
— Лакеем будь! Рабом!
Закон вонзался
Прямо в сердце жалом,
Давил тисками
Молодую грудь.
Мать человеком гордым
Быть желала, —
Закон повелевал ей:
— Бабой только будь!

... Преданьем поросли
Кошмары эти.
Другое время —
И закон другой.
Мы всех счастливее,
Всех радостней на свете,
Ровесник мой,
Товарищ дорогой.
Взгляни вокруг —
Все оживленно дышит,
Цветут сады,
Душисты и стройны.
И наш закон:
— Летай как можно выше!
Ты — гражданин
Счастливейшей страны!
Твоя дорога
Солнцем освещена.
Расти, работай,
Песни пой, любя.
Дома, курорты,
Клубы, стадионы,
Заводы, фабрики —
Все для тебя!

Все для тебя
От края и до края —
Вся родина:
И суша и вода...
Пусть только враг приблизится, —
Мы — покараем!
Он не успеет сделать и следа!

Фашисты мир
В войну толкают снова.
Но враг не перейдет
Советский рубикон.
Еще нигде
Закона нет такого,
Как наш
Советский,
Сталинский
Закон.

М. Марков.

И М Я С Т А Л И Н А

Идут суда сквозь штормы и мятели,
И там, где ночь полярная легла,
На шестьдесят девятой параллели,
Горят страны Советов вымпела.

Высоких скал волна качает тени
И треплет снасти ветер ледяной.
Здесь корабли винтами море пенят,
Бурун седой рокошет за кормой.

Сквозь ветра вой и северную выюгу
Идут суда республики в поход,
Страну свою, как верную подругу,
Хранит отважный заполярный флот.

И если враг войну готовит снова —
Страны родной дыханье береги.
Нам не забыть, как мимо скал суровых
В двадцатом шли к Архангельску враги.

Когда опять шальной повеет ветер,
Запахнет дымом вражьих кораблей,
Наш красный флот врага достойно встретит
И будет бить разбойников морей.

Не отдадим мы края ледяного,
Советский Север не отнимет враг.
Нас греет имя Сталина родного
И светит нам как ласковый маяк.

И. Чув.

*Трудящиеся СССР! Выбирайте в Верховный Совет
доблестных патриотов нашей родины, непоколеби-
мых борцов за счастье рабочих и крестьян, за
социализм!*

ТВОРЦАМ НОВОЙ ЖИЗНИ

Могучие леса,
и горы, и поля,
Громады городов
и быстрых рек стремнины
Труду покорны.
И цветет земля,
Как пышный сад
Средь солнечной долины.

Там, где скупой
и чахлый колос рос,
Где спутником людей
всегда бывало горе, —
Сегодня радостно
взрастил колхоз
Посевов тучных
золотое море.

И там, где каторгой
был подневольный труд,
Где счастье людям
не могло и сниться,
Там нынче жизнь цветет
и с каждым днем растут
Стахановцы
угля, железа, ситца.

В амбары собран
тучный урожай,
Гремят машины
фабрик и заводов.
И на границах
наши сторожа
Хранят покой
и мирный труд народов.

Весельем жизни,
 радостью полна,
Врагов социализма
 сокрушая,
Цветет моя
 советская страна
Счастливая,
 могучая,
 большая.

Разбит навеки
 тяжкий гнет оков.
Нам все права даны,
 мы всех счастливой стали!
Нас партия ведет
 большевиков,
Ведет нас вождь народов —
 мудрый Сталин.

Широк и славен
 путь моей отчизны,
Звезда побед
 ей светит вперед.
И за творцов
 счастливой,
 новой жизни
Мы с радостью
 свой голос подадим.

В. Полторацкий.

ПРЕДАННЫЙ СЫН ПАРТИИ И НАРОДА

*Семену Васильевичу
Скоробогатову*

!

Ты помнишь, товарищ,
Бедняцкую долю —
Печальную песню

И дома, и в поле?
Ты в детстве и сам
Эту песню певал,
Покуда семнадцатый
Год не настал.
Пришел он и грянул
Грозою свинцовой,
И сердце наполнилось
Песнею новой.
Вела она сына,
Отца поднимала,
Чтоб пылью развеять
Ярмо капитала.
Гражданской войны
Бушевала пурга, —
Ты друга увидел,
Ты понял врага.
Ты в Армии Красной
Боец неустанный,
Ты шел по сыпучим
Пескам Туркестана
И вел на победу
Друзей боевых.
Пощады враги
Не видали от них.
Нет, время не смоеет
Высокую славу!
И «Красного Знамени»
Орден по праву,
Красуясь, горит
У тебя на груди:
За счастье народа
Ты был впереди.

II

Сегодня твой путь —
По дорогам воздушным.
Железная птица
Легка и послушна.
Ты — вновь командиром:
Летит за тобою
Крылатая стая,
Готовая к бою,
В любую минуту

Готовая встать
За землю родную,
За каждую пядь.

Отважный и честный,
Тебе — наш привет!
Тебя мы пошлем
В наш Верховный Совет.
Ты верен народу,
Боец-гражданин,
Испытанной партии
Преданный сын.

А. Благов.

КЛАВДИЯ САХАРОВА

В свои девятнадцать
 пленительных лет,
В прекрасные годы расцвета
Стахановской славой,
 дыханьем побед
Овеяна девушка эта.
Родилась она
 под счастливой звездой,
Под красной звездой беззакатной
Для творческой жизни
 в стране молодой,
В советской стране необъятной.
Росла — поднималась
 советская новь,
И Клавдия росла, расцветая
На радостный труд,
 на большую любовь
К величию родимого края.
Малиновый галстук
 украсил ей грудь...
Весна за весной пролетала —
И Клавдия на славный,
 на сталинский путь
Стахановкой юною встала.
В ней светит отвага,
 в ней твердость видна

Сквозь девичий облик пригожий..
Ярка и ясна
 трудовая весна
Советской стальной молодежи.
И в девушке,
 нежной и скромной на вид,
Как алое пламя восхода,
Высокая преданность
 делу горит,
Великому делу народа.
Богат ее сил
 непечатый запас
И жарки порывов сполохи.
— Она оправдает
 доверие масс,
Ровесница нашей эпохи!

Д.м. Семеновский.

РЕЧЬ ДУСИ ЛЕБЕДЕВОЙ, ВАТЕРЩИЦЫ
ФАБРИКИ «КРАСНАЯ ТАЛКА»

Веселые растем мы,
Молодые,
Влюбленные
В весну своей страны.
Мы белый свет
Увидели впервые
За десять дней
До мировой войны.

И для меня
Живут лишь как преданье
Дни горести
У отчего двора,
Когда от холода
И от недоедания
В могилу
Уходила детвора.

Когда росли,
Зверели и жирели,

Народ обкрадывая,
богачи.
Когда живот
Отращивал Гарелин
И умирали с голода
ткачи.

Ушло то время,
Царство живоглотов.
Зажглись над нами
Яркие огни.
Нет выше счастья,
Чем любить, работать
В бурливые и красочные дни!

Взгляните все
Налево и направо, —
Сияют окна
Новых клубов, школ.
Я очень рада,
Что имею право
Носить билет,
Что выдал комсомол.

Страна моя
Богата нефтью, хлебом.
Богата солнцем
Ярким, молодым.
И я горжусь,
Что под единым небом
Живу я вместе
С Сталиным родным.

И я горжусь,
Что девушкам не меньше
Ребят в делах
Принадлежит почин.
В моей стране цветущей
Голос женщин
Во всем приравнен
К голосу мужчин.

И я зимой,
В день празднично-погожий.
Отдам свой голос,

С нежной теплотой,
Тому, кто для страны
Всего дороже,
Кто нашу жизнь
Овеял красотой.

Кто покоряет реки,
Побеждает вьюги,
Живет для нас,
Приносит счастье нам.
Отдам свой голос
За вождя, за друга —
За Сталина
Свой голос я отдам!

На стихи переложил
М. Марков.

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА

Как ночь, темна
Судьба твоя была, —
Побой, ругань,
Голод и забота...
Ярмо нужды
И векового гнета
Ты с малолетства
На плечах несла.

Но явь иная,
Светлая пришла, —
Добыта героической борьбою.
Широкий путь
Лежит перед тобою,
И жизнь прекрасным
Садом зацвела.

Навеки стерты
Прошлого черты.
Ты в облике
Пред нами встала славном:
Семьи советской

Членом равноправным
И матерью счастливой стала ты.

Для подвигов,
Для счастья и добра
Раскованы твои живые силы.
Дни новые тебе
И радостны и милы,
Подруга, мать, любимая сестра!..

И молодо
И смело ты живешь.
Колхозницей,
Стахановкой,
Артисткой,
Художницей,
Пилотом,
Журналисткой
Ты к урнам избирательным придешь.

За тех, кто предан
Родине своей,
Уверенно подашь
Ты голос свой свободный, —
За тех, чья жизнь
Слита в одно с народной,
За лучших, за достойнейших людей.

За то, чтоб весь
Союз Советский наш
Мужал и рос,
Как вешний сад цветущий,
За гений солнечный,
К победам нас ведущий, —
За Сталина ты голос свой подашь!

Д. М. Семеновский.

ДОСТОЙНЫЙ КАНДИДАТ

...Гонобоблева попрежнему обслуживала двадцать платтовских станков, обращаясь с ними по особому любовно, и следила одновременно за работой своих товарищей — ткачих.

В один из октябрьских дней Елизавета Андреевна получила из Наркомата вызов. Она долго и напряженно думала о том, зачем ее вызывают в Москву, в Наркомат легкой промышленности. Были удивлены и ее подруги. Одни из них говорили, что Гонобоблеву вызывают на совещание, другие намекали о награждении, но окончательно так все-таки никто и не решил: зачем же вызывают старую ткачиху Гонобоблеву... Проводив Елизавету Андреевну, на фабрике имени рабочего Федора Зиновьева стали ждать ее с нетерпением.

Гонобоблева вернулась из Москвы очень взволнованная, мало разговорчивая. В первое время она просто не знала о чем говорить, о чем рассказывать, — так много было переживаний, что не сразу подыщешь слова для выражения восторженных чувств. Ей трудно было выразить благодарность за доверие, которое ей оказывала партия Ленина—Сталина.

Кузьма Иванович, муж Елизаветы Андреевны, встретил ее с нескрываемым любопытством.

— Ну как, что там в Москве, о чем с тобой говорили?..

— И не спрашивай... Много надо рассказать, а с чего начать не знаю. Дай с мыслями собраться.

Говорила она быстро и возбужденно, переходя из одной комнаты в другую. Кузьма Иванович, прислонившись плечом к косяку двери, внимательно наблюдал за каждым движением жены, стараясь разгадать, чем наполнена в эту минуту ее душа.

А Гонобоблеву волновало какое-то смешанное чувство. Она то весело посмеивалась, глядя на мужа, то мрачно сводила брови и украдкой, тоскливо вздыхала.

— Сядь, — попросил Кузьма Иванович, — Расскажи толком...

Большим усилием Елизавета Андреевна подавила в себе волн

нение и спокойно стала передавать мужу о своей поездке в Наркомат.

...Когда она приехала туда, ей прямо заявили:

— Мы вас, товарищ Гонобоблева, вызвали сюда для того, чтобы сообщить, что мы решили выдвинуть вас на ответственную работу — заместителем директора фабрики имени Кирова, на соседнюю, значит.

Елизавета Андреевна от неожиданности такого предложения смутилась, не зная, что и сказать. Несколько минут в кабинете стояла тишина. Гонобоблева думала, как ей ответить. Наконец, она тихо и благодарно сказала:

— Большое вам спасибо за оказываемое мне доверие, но я, признаться, боюсь идти на такую большую работу. У меня и грамотность невелика, да и опыта особого нет, — как бы не сконфужиться на директорском-то месте!

Товарищ из Наркомата поднялся и, выходя из-за стола, возразил:

— Скромничаете, Елизавета Андреевна. Да, скромничаете... Мы вашу работу хорошо знаем. Тридцать четыре года за станком простояли. А на счет помощи — не беспокойтесь. Мы — поможем и все рабочие вашей фабрики помогут.

Он помолчал. Затем, положив свою руку на плечо Елизаветы Андреевны, спросил:

— Ну, как?..

— ...Если будет оказана помощь, тогда, что ж, ладно, — согласилась Гонобоблева.

Через три дня был издан приказ о назначении ткачихи Гонобоблевой на пост заместителя директора фабрики имени Кирова. Кузьма Иванович был этим весьма удивлен. Он никак не мог поверить тому, что его жена, простоявши тридцать четыре года у станка, мать большого семейства, знавшая в прошлом только маяту и голодную жизнь, стала вдруг заместителем директора фабрики, руководителем тысяч таких же рабочих, как и она сама. Несколько дней Кузьма Иванович был в каком-то необычном состоянии, говорил мало, но работал так, как никогда. Он точно помолодел на десяток лет. Работа в его руках спорилась, играла.

Не меньше его была взволнована и сама Елизавета Андреевна. Готовясь к сдаче своих станков, она невольно вспоминала всю свою прошлую работу, всех работниц, с которыми ей приходилось вместе стоять за станками. Ей было тяжело расставаться с ткацким цехом, с товарищами... Все это было такое родное, близкое.

Оставались последние минуты. Гонобоблева подходила к своим обметенным станкам и как-то механически, по привычке, вновь касалась чистой тряпочкой то одной, то другой детали. И вот до-

неся до ее слуха знакомый голос сменщицы. Гонобоблева оглянулась. Возле нее собирались работницы, ее подруги, с которыми она десятки лет делилась радостью и былой горечью. Ее глаза были слегка влажны.

— Значит, так и уходишь от нас? — спросила ее Тихомирова дрожащим голосом. — Что ж, не забывай нас... Будет время — забеги на минутку. А новое дело свое води хорошо!..

— Постараюсь, — ответила Елизавета Андреевна.

Подошел директор фабрики.

— О чем, товарищи, разговор ведете?

Протискавшись к директору, ткачиха Ракаева, вместо ответа, сказала укоризненно:

— Зачем вы берете от нас Гонобоблеву. Ведь она выросла с нами!..

— Ничего, ничего... Не век ей у станков стоять. Пора и руководителем быть. Не так ли? — спросил директор у Гонобоблевой.

— Понятно, так, — ответила она.

— Беспокоиться нечего. Елизавета Андреевна никуда не уезжает. Работать будет рядом, на соседней фабрике. Когда надо будет, придет, посоветует в работе. Не так ли? — опять обратился он с вопросом к Гонобоблевой. Та мотнула головой в знак согласия и, почувствовав легкость на душе, обратилась к работницам с просьбой тоже помочь ей в новой трудной работе. Они охотно согласились и, крепко пожав руку Елизаветы Андреевны, встали на свои места, за станки.

Придя домой, Гонобоблева долго не могла успокоиться. Глубокая ночь уже окутала черной шалью город, а она все еще сидела возле окна, обдумывая, с чего ей начать на новом незнакомом месте. Прошедший день навсегда запечатлелся в памяти Елизаветы Андреевны. Образы Шувандиной, Тихомировой, Афанасьевой и других ткачих всплывали перед ее глазами. Она слышала их дружеские советы, видела простые открытые взгляды и ей становилось еще тяжелее расставаться со своими близкими товарищами. В то же время Елизавета Андреевна понимала, что новая работа ответственная, важная, нужная. Партия выдвигает на такую работу только достойных, лучших людей своей родины, оправдавших доверие народа, проверенных на деле. И это ее глубоко трогало, волновало.

Доверие, которое оказывалось ей рабочими и Народным комиссариатом легкой промышленности, Елизавета Андреевна считала самой большой, самой лучшей наградой за ее унижения, мытарства в прошлом, за большой радостный труд в настоящем. Всю ночь она не могла заснуть. Набегавшие мысли быстро сменялись новыми. До сна ли ей было, когда душа переполнена новыми, небы-

валыми чувствами?.. Елизавета Андреевна иногда вставала, прохаживалась по комнате и украдкой заглядывала в спальню, прислушиваясь, спит ли Кузьма Иванович.

На следующий день Елизавета Андреевна поднялась рано и отправилась на фабрику имени Кирова. Зная, что товарищ Гонобоблева — одна из лучших стахановок соседней фабрики, руководящие работники встретили ее сердечно, тепло. Первым делом директор фабрики пригласил Елизавету Андреевну ознакомиться со всеми отделами и цехами. Она охотно согласилась и вместе с директором направилась через двор в корпус. Внимательно осматривая станки, Елизавета Андреевна останавливалась, разговаривала с рабочими, интересуясь выполнением норм и работой мастеров. Некоторые рабочие, впервые увидев Елизавету Андреевну, шептались между собой:

— Комиссия что ли какая ходит?..

Другие отвечали:

— Нет, какое. Новый заместитель директора, знакомится с фабрикой. Слышали, поди, про Елизавету Андреевну Гонобоблеву? Она лучшая стахановка, на двадцати станках работала.

— Значит, деловая?

— Деловая.

Елизавета Андреевна шла из одного цеха в другой. Рабочие оживленно переговаривались, весело встречая приветливыми взглядами нового заместителя директора фабрики.

Время бежало быстро, день кончился незаметно. Вечером Елизавета Андреевна отправилась в детский сад, а потом в течение нескольких дней посещала его, добиваясь образцового порядка в нем. Не успела она как следует осмотреться, а уже уйма неотложных, срочных дел захватила ее целиком. Как-то утром к ней в кабинет кто-то настойчиво постучал.

— Войдите, — сказала она.

Дверь, распахнувшись, пропустила несколько взволнованных работников.

— Товарищ Гонобоблева, мы никак не можем добиться ответа...

— Дирекция плохо понимает постановление правительства о заработной плате, — наперебой заговорили они.

Елизавета Андреевна спокойно выслушала обметальщиц, достала из ящика письменного стола постановление правительства и, вдумчиво прочитав его, обратилась к работницам.

— Ну и что же вы хотите?

— Нам говорят, будто мы правильно получаем заработную плату, а нам кажется не так, — обидчиво заговорила пожилая обметальщица станков.

— Кто вам говорит? — спросила ее Гонобоблева.

Работницы переглянулись и вдруг начали все вместе рассказывать о том, как они говорили с некоторыми работниками дирекции и фабкома, настаивая на повышении норм работы. Но они, дескать, только разводили руками, — сами не знали, что нужно делать.

— Да, вы правы, у вас занижены нормы, вследствие чего низка и заработная плата. Мы это пересмотрим...

Правильная, толковая беседа вполне удовлетворила работниц. Они, довольные быстрым разрешением волнующего их вопроса, разошлись, с желанием работать не покладая рук.

Только что Елизавета Андреевна кончила беседу с работницами, как ее вызвали к телефону.

— Хорошо... Приду, проверю! — крикнула она в трубку и, накинув пальто, быстро скрылась.

Елизавета Андреевна отправилась на собрание рабочих второго цеха. Вначале она слушала, как горячо спорят рабочие о выполнении плана. Помощник мастера Синицын критиковал работу ткачихи Лисиной за то, что она недовыполняла производственный план. Она, в свою очередь, обрушилась на помощника мастера, обвиняя его в том, что он плохо помогает работницам, мало заботится о наладке станков. Спор разгорался все жарче и жарче. Вдруг Елизавета Андреевна не выдержала, встала и сказала:

— Вы ни до чего сегодня не договоритесь. Я сама приду на место и посмотрю, кто прав, а кто виноват.

Все с предложением Гонобоблевой согласились.

На следующий день Елизавета Андреевна пошла в цех. Она ознакомилась со всеми делами и решила взять работу ткачихи Лисиной под свое наблюдение. Не прошло и декады, как Лисина стала лучше работать, сократила брак и значительно повысила производительность.

Так началась новая жизнь Елизаветы Андреевны Гонобоблевой. Целыми днями с утра и до позднего вечера она, не зная усталости, снует из цеха в цех, из корпуса в корпус, заботясь о материалах, об улучшении бытовых условий рабочих и о выполнении производственной программы. Елизавета Андреевна ведет решительную, настойчивую борьбу за внедрение стахановских методов работы на всех участках производства. Она успевает за день побывать и в цехе, и в детском саду, и на квартирах у рабочих. Ее день заполнен содержательной и кипучей работой. Всюду много важных, неотложных дел, которые ожидают ее вмешательства.

Поздно вечером Елизавета Андреевна возвращается домой и охотно делится со своей семьей впечатлениями дня. Кузьма Иванович всегда слушает рассказы жены с большим вниманием.

Как-то Елизавета Андреевна пришла с работы раньше обыч-

ного. Вечер был тих и торжественно спокоен. Кузьма Иванович сидел возле стола на кухне и слушал последние известия о подготовке партийных и общественных организаций к выборам в Верховный Совет СССР. Елизавета Андреевна бесшумно разделась и, не сдержавшись, обратилась к мужу:

— Какое время, а? Небывалое время! Вся страна готовится к выборам Верховного Совета. Ты понимаешь, Кузьма?.. Рабочие выдвигают кандидатами в Верховный Совет вожда народов Сталина, товарищей Молотова, Кагановича, Ежова, а рядом с ними — рабочих, колхозников, писателей, актрис. Ты понимаешь, вот до какого времени мы дожили!

Елизавета Андреевна говорила растроганно, ее до глубины души волновали события текущих дней, и она, чтобы не выдать своего чрезмерного волнения, спокойно произнесла:

— Ну, пора и отдыхать.

Утром, как только зарозовело за окнами дома, Елизавета Андреевна поднялась, разбудив мужа. Оба они собирались на работу: только теперь на разные фабрики. Кузьма Иванович, точно в молодые годы, задорно подшучивал над женой и торопливо ставил посуду на стол. Включил, как всегда, радио: передавали последние известия. Детишки, окружив стол, то и дело обращались к матери, прося налить чаю, подать сахару или намазать на булку масла. Елизавета Андреевна, выполняя их просьбы, покрикивала на них. Когда за столом утихло, она взяла блюдечко, наполненное чаем, подняла его, придерживая пальцами обеих рук, и замерла, услышав, что передают по радио сообщения о выдвинутых кандидатах в Верховный Совет Союза ССР. И вдруг:

«Новая Ивановская Мануфактура наметила кандидатом в депутаты Совета Союза работницу-стахановку Елизавету Андреевну Гонобоблеву...»

Блюдце в руках Елизаветы Андреевны задрожало и выпало. Зажав руками лицо, охваченная небывалым восторгом, счастливой радостью, Гонобоблева заплакала. Сынишка уставился удивленным взглядом на мать и, не понимая в чем дело, спросил:

— Мама, чего ты плачешь?

Кузьма Иванович, еле сдерживая себя от наплыва больших чувств, произнес, обращаясь к жене:

— Успокойся. Надо радоваться...

— Вот я от радости и плачу, — ответила Елизавета Андреевна и торопливо стала собираться на работу. А в это время по радио продолжали читать:

«Тысяча двести рабочих, инженеров и служащих Новой Ивановской Мануфактуры собрались для выдвижения кандидатов в де-

пугаты Совета Союза. Получившая слово беспартийная ткачиха-стахановка товарищ Шубина говорит:

— Я предлагаю выдвинуть кандидатом в депутаты Совета Союза работницу с тридцатичетырехлетним стажем, лучшую стахановку города Иванова, работающую сейчас на фабрике имени Кирова, — Елизавету Андреевну Гонобоблеву. Она одна из первых в Иванове возглавила стахановское движение и перешла работать на двадцать платтовских станков. Сейчас товарищ Гонобоблева выдвинута на работу заместителем директора фабрики имени Кирова.

В принятой резолюции говорится:

«Мы единодушно выдвигаем кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР Елизавету Андреевну Гонобоблеву, лучшую ткачиху, лучшую стахановку, тридцать четыре года проработавшую на фабриках города Иванова и сейчас выдвинутую заместителем директора фабрики имени Кирова, общественницу, всей своей работой показавшую свою преданность коммунистической партии, целиком отдавшую себя интересам трудящихся, делу социализма. Собрание просит товарища Гонобоблеву Елизавету Андреевну дать свое согласие голосоваться в депутаты Совета Союза по Ивановскому избирательному округу».

Выйдя на улицу, Елизавета Андреевна слышала то же, что и дома. Радиорепродукторы извещали трудящихся города Иванова о выдвижении рабочими собраниями кандидатом в Верховный Совет товарища Гонобоблеву. Везде упоминалось имя Гонобоблевой. Она торопливо бежала по переулкам и улицам на фабрику. Елизавета Андреевна видела, как у репродукторов собирались люди, о чем-то рассуждали.

Она слышала, как они часто упоминали ее имя, и ей становилось неудобно за себя. Она не понимала, за какие особые заслуги ее выдвинули кандидатом в Верховный Совет. Елизавета Андреевна не находила у себя никаких выдающихся подвигов. Она считала свою работу долгом каждого советского гражданина. И все же великая честь, оказанная ей трудящимися города Иванова, охватывала Елизавету Андреевну весенней свежестью. Она чувствовала прилив новых сил на неустанную работу, борьбу с отребьем человечества — троцкистами и правыми реставраторами капитализма. Елизавета Андреевна готова работать за семерых, готова отдать всю свою жизнь до последней капли крови за радостную счастливую жизнь Советской страны. С этими мыслями она бодро вошла в цех и смутилась. Ее окружили работницы и мастера, поздравляя и пожимая ей руки.

На фабрике собирались митинги рабочих, обсуждалась кандидатура Гонобоблевой в депутаты Верховного Совета Союза ССР. В течение нескольких дней Елизавета Андреевна чувствовала себя

неловко. При встрече с товарищами она не знала как себя вести. Наступили дни, когда днем и ночью стали вызывать ее то на одно, то на другое собрание избирателей. Она охотно соглашалась на приглашения, желая все это делать в интересах нашей партии, в интересах народа, который под руководством большевистского ЦК ВКП(б) и учителя товарища Сталина творит великие дела.

Однажды Елизавета Андреевна посетила свою прежнюю фабрику. Когда она подошла к станкам, на которых проработала много лет, вдруг ее кто-то обнял. Гонобоблева, повернув голову, улыбнулась. Перед ней стояла молодая восторженная Маруся Данилова.

— Спасибо, Елизавета Андреевна, большое спасибо за то, что помогла ты мне вырасти. Горжусь я, Елизавета Андреевна, и радуюсь, что выдвинули тебя кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза!

А. Князев.

„Наша революция является единственной, которая не только разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни. В этом сила и непобедимость нашей революции“ (СТАЛИН).

Р О Д И Н А

Скажи:
Какой любить тебя любовью?
Какую песню для тебя сложить?
За кровь твою
Враги заплатят кровью —
В твоём доме
Они не смеют жить.

Твои поля —
Смотреть на них отрада,
И города —
Цветущие сады...
Ты позови,
Ты только молви:
— Надо!
В передовые я приду ряды.

Пути другого нет
И быть не может.
Перед тобой
Я весь начистоту.
Старик-рабочий
Следа не проложит
Туда, назад —
В позор и нищету.

Двуногие остатки
Старой гнили
Еще живут и бродят между нас.
Мы к стенке их
Не мало становили,
Для них патронов
Хватит и сейчас.

Мне старый мир
Свою назначил цену:
Пропала юность
За щербатый грош...
Надежную мы вырастили смену,
Бережь свое
Умеет молодежь.

С тех пор как слово
Родина впервые
Я произнес —
Минуло двадцать лет.
Ты позови —
В ряды передовые
Придет
Тобой воспитанный поэт.

За все, за все
Враги заплатят кровью.
Под их пятой нам никогда не быть...
О, родина! Тебя
Другой любовью
Я не умею,
Не могу любить!

А. Благов.

Р О Д И Н А

Все убрано к сроку. В отаве зеленой
Застряла солома,
И стелется поле, как пол подметенный
Просторного дома.
Недаром вставали с румяным рассветом,
Недаром на ниве
До позднего часа работали летом
В горячем порыве.
В пахучих сараях и житницах полных —
Несметные клады,
И томно склонился созревший подсолнух
На низкие гряды.
И пчелы набрали в янтарные соты
Прозрачного меда,

И радость успеха венчает заботы
И труд садовода.
От Белого моря до Черного моря
Большие, густые
Стоят в разноцветном осеннем уборе
Сады молодые.

И жизнью веселой и жизнью добольной,
Не зная невзгоды,
Живут на просторе великом и вольном,
Как братья, народы.

На яблонных ветках плоды золотятся
В бодрящем рассвете.
У женщин советского края рождаются
Здоровые дети.
Садятся ребята готовить уроки
К страницам узорным,
И кажется: пахнут их круглые щеки
Анисом отборным.

Гудят в вышине серебристые птицы,
Раскинувши крылья, —
Надежна защита и крепки границы
Страны изобилия.
И нет на земле благороднее дела,
Чем общее, наше,
И в мире не сыщешь достойней удела
И родины краше!

И лучшая песня, что вьется над нами,
Как майское утро, —
О том человеке, чье имя, как знамя:
О Сталине мудром.

Д.м. Семеновский.

СТАХАНОВЦАМ

Январский вечер
Темноглубой
Огни и звезды
Поднял над собой,

Над говорливым городом.
Огнями
Дома перекликаются с домами.
Дорогой светлой
Весело идти,
Миллионом искр
Ложатся на пути
Серебряные, синие снежинки.
Сплошной зарей
Горят цеха «Дзержинки»,
И фонари
На полотне двора
Огромные качают веера.
Она растет —
Волна железной речи,
Она плывет,
Она летит навстречу.
И вот я обнят
С четырех сторон
Ритмичным гулом
Тысяч веретен!
Отряды ровниц —
В боевом порядке.
Добротной нитью
Хвалятся початки,
Что были глыбой
Хлопковой вчера;
Их буйным вихрем
Крутят ватера.

Вы смело вышли
В путь соревнования.
Быть впереди —
Прекрасное желанье,
Взять от машины
Все, что можно взять,
Среди отличных
Самым лучшим стать.
Есть в достиженьи
Высшая награда.
Я знаю: жизнь свою
Построим мы, как надо!
И будет радость
Ярче и полней,
И крепче воля,

Потому что в ней,
Как наше время
Молодо и ново,
Герит живое
Сталинское слово!

И в эту ночь
Я долго не засну.
Ночь приведет
Подругу-тишину,
А с ней — работу
Близкую, родную,
И допою я
Песнь мою простую:
О лучших людях
В нашей стороне,
О пезакатном солнце,
О весне.

А. Благов.

И В А Н О В О

За вечерней сизой поволокой
Бусами желтеют фонари.
Побледнел над улицей широкой
Ситец доцветающей зари.

Вот он, город корпусов текстильных
И высоких красноствольных труб.
На руках больших и сильных
Вынянчил его могучий труд.

Мы глядим на этот город-улей,
На дворцы бетонных корпусов —
И тебе в певучем смутном гуле
Слышится труда горячий зов.

Там, в цехах, где белою порошей
За холстами стелются холсты,
Ты улыбкой светишься хорошей,
Новых дней прядешь основу ты.

Выбился из-под платка кудравый
Паутинно-легкий завиток.
Радостью, стахановскою славой
Юности твоей пригож цветок.

За вечерней тонкой поволокой,
За туманной дымкой голубой
Трубы встали рощею высокой,
Корпуса грохочут, как прибой.

Корпуса грохочут. Это ткется
Новой жизни яркая парча.
Корпуса грохочут. Это бьется
Сердце города-ткача.

Дм. Семеновский.

П Е С Н Я

В вышине безоблачной,
Светлоглубой
Песню самолета
Слышу над собой.
Чьей руке искусной
Вверен самолет?
Кто он, этот путник
Солнечных высот?
Знаю и без имени —
Он — товарищ мой,
И живем, и любим
Мы в стране одной.
И живем, и любим
Родину свою,
Многომиллионную
Дружную семью.
Гордостью почетной
Оба мы полны:
За победы славные
Молодой страны,
За героев наших,
За себя самих,
Что над нами светит

Солнце дней таких,
Что вождя любимого
Слышим мы слова,
Что даны великие
В жизни нам права.
Песня эта льется
В тихий день и час:
Стройка величавая
Окружает нас.
Знает даль прекрасную
Новый человек,
Чести,
Славы,
Мужества
Не уронит век.
Счастьем напоенная
Жизнь нам дорога.
Воля закаленная
Не щадит врага.
И как только ветер
Встречный понесет,
И как только недруг
Встанет у ворот —
Хлынет рать советская
От полей и гор,
Скорость небывалую
Разовьет мотор.
Песню боевую,
Лучшую свою
С песней самолета
Я тогда солью.

А. Благов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА НОВОСЕЛОВ

На покато́м живописном берегу Молохты сгрудился целый городок. В селе, где до революции были только церковь и кабак, теперь есть обширная, светлая больница, зубной кабинет, ветпункт, почта, сельпо, сберкасса, изба-читальня, библиотека, радио-узел, сельсовет. И все это в сорока — пятидесяти шагах друг от друга. Колхозник, приехавший из деревни, не затрудняя себя и не теряя много времени, может получить медицинскую помощь, сделать покупки, зайти в сберка́ссу, в сельсовет.

У крыльца зеленого двухэтажного дома останавливаются брички, верховые лошади... В комнатах сельсовета людно: председатели колхозов, бригадиры, трактористы, рядовые колхозники, пастухи, животноводы... Кто тут не перебивает за день! Сколько разных профессий, лиц, характеров. То и дело звонит телефон. В дальнем углу телефонистка Катя управляет своей маленькой телефонной станцией. Большая, напряженная жизнь десяти колхозов всеми нитями сходится сюда — в центр сельсовета.

За столом — плотный, плечистый молодой человек лет двадцати шести — Михаил Петрович Новоселов, председатель сельсовета. Колхозники один за другим присаживаются к столу и обращаются к председателю просто и душевно: — «Миша, вот какие у меня дела...» Он разрешает самые тонкие вопросы внимательно, толково и спокойно. И колхозники уходят от него уверенные в точном действии социалистической законности. Своего председателя — Михаила Петровича Новоселова — колхозники знают с детства. Он тут родился и вырос. Кончил восьмилетку, работал счетоводом в колхозе, потом избачом. Прошлой зимой учился на курсах, готовился стать комсомольским пропагандистом, но в апреле 1937 года колхозники избрали его председателем сельсовета. Это совпало с началом весеннего сева, и Новоселова сразу обступили требования, заботы и волнения горячих весенних дней. Он не дожидаясь сводок, хотел все видеть сам, руководил и добивался того, чтобы работа шла налаженно, точно и споро.

Ранним утром, когда еще спало село, он выходил на волю и первым делом направлялся к зданию бывшей церкви, где помещалась база четырех тракторов. Какие есть помехи, неполадки? Какая требуется помощь? Сколько сегодня трактористы вспашут? Потом скрывался за перелеском. Выезжая на работу, колхозники видели его уже в поле.

К севу не все колхозы подготовились хорошо. Строкинский колхоз выехал пахать на старинных, вдобавок неотремонтированных плугах. Лемехи, ножи не отточены, плуги наскоро скреплены клинышками. Пришлось тут же, немедленно, достать им другие, более совершенные и отремонтированные плуги.

Председатель через каждые день-два бывал во всех колхозах, проверял расстановку сил, состояние конского поголовья, выполнение плана. В эти дни он точно знал, сколько в каждом колхозе людей и коней работает в поле, сколько вспахано, посеяно. В результате живого, оперативного руководства весенний сев был закончен 14 мая, ровно на месяц раньше, чем в прошлом, 1936, году.

Уборочные работы были начаты в срок. И только Калачевский колхоз им. Революции 1905 года одно время сильно тревожил молодого председателя. Уже три дня прошло, как все колхозы сельсовета приступили к сенокосению, а калачевцы еще не начинали. Сколько раз им указывал на это Новоселов, но они, как бы испытывая его терпение, медлили, говоря: — Миша, всех догоним и всех раньше закончим.

— Подведете...

— Не подведем!

И верно, — не подвели, закончили сенокос раньше других.

— В характере этого колхоза, — замечает Новоселов, — привычка долго раскачиваться... Пришлось этой привычке объявить борьбу.

Сенокос и жатва были проведены в короткие сроки. С молотбой дело затягивалось. Машинно-тракторная станция прислала только одну полусложную молотилку. Этого было совсем недостаточно. Сельсовет достал еще одну полусложку. Ее привезли с участка сельскохозяйственного института и тотчас же пустили в дело. Колхозы быстро обмолотились, рассчитались с государством, выдали авансы. Успешная уборка, полновесный трудовой день создали такой трудовой подъем, что остальные работы — сев озимых, копка картофеля, уборка огородов — пошли невиданными темпами. На пленуме райисполкома сельсовету было вручено переходящее Красное знамя — за большевистскую борьбу в деле повышения урожайности, за уборку зерновых в срок и без потерь и за своевременный посев озимых в колхозах сельсовета.

В будущем году колхозники Калачевского сельсовета надеются собрать еще больший урожай. Судьба будущего урожая решалась

в этом году, и колхозники, помня это, землю обработали лучше и удобрений внесли больше, нежели в прежние годы. Кроме навоза и минеральных удобрений, нынче положено много торфа.

По осени колхозникам пришлось на время расстаться со своим расторопным, деловитым председателем.

Недавно, вернувшись с военных учений, он опять с головой ушел в работу.

— Затянули мы зяблевую вспашку, — виновато говорит он, как будто в нем причина затяжки.

А колхозники поправляют:

— Заместитель опустил работу...

После возвращения Новоселова дело пошло по-другому. Вскоре было поднято 75 процентов зяби.

Сельсовет развернул большую работу по изучению Положения о выборах в Верховный Совет. Организовано 26 кружков. В числе агитаторов — партийцы, комсомольцы, учителя. Особенно активно работают кружки, которыми руководят учительница Кожина и колхозница, член партии, Гусева.

13 и 14 октября во всех колхозах сельсовета состоялись многотысячные митинги, посвященные постановлению правительства о дне выборов в Верховный Совет и о начале избирательной кампании.

Колхозники, выступавшие на митингах, выразили глубокую благодарность любимому вождю народов товарищу Сталину, который привел страну к подлинному социалистическому демократизму, невиданному ни в какой другой стране. Постановление правительства вызвало в колхозах новый подъем производственной активности. Колхозники Калачевского, Строкинского, Красновского колхозов постановили к 20 октября закончить все осенние сельскохозяйственные работы, отсортировать и засыпать семена, убрать сельскохозяйственные машины, а к 1 ноября подготовить фермы к зимовке скота.

Новоселов пользуется авторитетом среди населения. В своей работе он не одинок. В активе сельсовета до пятидесяти человек. Это — лучшие, передовые люди колхозов. Из секций сельсовета наибольшую активность проявляют животноводческая и финансовая. Животноводческая секция, которой руководит Н. Я. Медведев, молодой активист, передовой колхозник, приступает сейчас к проверке подготовки ферм к зиме. Будет проверено поголовье скота, запасы кормов, кадры животноводов, санитарное состояние ферм. Эту проверку секция производит ежегодно, путем объезда всех колхозных ферм сельсовета.

В сельсовете две школы — в селе Юрьевском начальная и в Котцыне — неполная средняя. К началу учебного года школы были отремонтированы и снабжены топливом. В семилетке учатся

много детей из дальних деревень. Они живут на квартирах у колхозников. На оплату этих квартир Новоселов выхлопотал тысячу рублей.

Сейчас в колхозных полях и огородах чисто, как в прибранной избе. Уборка закончена, появился досуг, колхозники жадно тянутся к культуре. К празднику XX-летия Октябрьской Социалистической революции драмкружок Калачевской избы-читальни приготовил «Вассу Железнову». Здесь уже ставили и неплохо исполнили пьесы: «Бедность не порок», «Чужой ребенок», «Крепостные». В постановке «Васса Железнова» принимали участие местная советская интеллигенция, колхозники и сам председатель сельсовета. Он, ведь, старый избач и один из местных режиссеров.

Связь с населением у Новоселова давняя, многообразная и крепкая. Молодежь, пожилые колхозники и даже старики запросто приходят к нему в кабинет и поверяют свои думы и радости. Широкий круг вопросов, многогранная работа председателя сельсовета.

— Чего недостает у меня, так это — опыта, — говорит Новоселов. — Бывает сразу не могу разрешить вопрос. Подумаю, посоветуюсь и — решаю.

Местные партийная и комсомольская организации помогают ему в работе. Он комсомолец с 1928 года, пропагандист и член райкома комсомола нового состава. Он полон сил и энергии. План будущей работы у него конкретен и реален: надо еще выше поднять урожайность полей, увеличить доходность молочно-товарных ферм, которые имеются при всех десяти колхозах.

На очереди — постройка нового родильного дома. Рождаемость значительно увеличилась, и существующее родильное отделение на шесть коек стало уже тесновато.

Кроме того, надо расширить начальную школу: в будущем году она уже не вместит всех детей школьного возраста. Намечено оборудование хирургического отделения при больнице и постройка Дома учителей в селе Котцыне, где находится школа семилетка. Сейчас учителя живут в частных домах, и сельсовет ежегодно тратит большие средства на оплату квартир.

Неотложная задача — переделать электростанцию на реке Молохте. После переоборудования электростанция удвоит свою мощность, даст свет селу Калачеву и электроэнергию для радиоузла.

Опираясь на многочисленный крепкий актив сельсовета, с помощью партийных и непартийных большевиков, молодой председатель все это выполнит.

Село Калачево.

Ивановского района

М. Шошин.

— Дубровка, — сказал проводник. — Поезд стоит десять минут...

Стрелков подошел к окну. Тысячами огней приближался город.

— Это фабрика, — узнал он ярко освещенные окна трехэтажного корпуса, — а это? Очевидно это и есть клуб... А вон там?

Многого он не узнавал.

Но вот мимо окна проплыло серое здание пакгауза, внизу под полом вагона взвизгнули тормозные колодки, поезд дрогнул и встал.

Он вышел на перон. Повеяло предутренней свежестью. На пероне толпились люди. Двое рабочих прокатили мимо него товарную тележку. Какая-то девушка спрашивала у проводника:

— Где седьмой? Где седьмой вагон на Москву?..

Двенадцать лет назад и он уезжал в Москву. Провожать пришли товарищи из комсомольской ячейки. Был теплый весенний вечер и была теплая, теплая дружба...

Где они теперь, славные товарищи юности? — Бориса он встречал в Хабаровске, Леонид летал на одной из южных линий, а вот Анна... Анна должна быть здесь. Какая она? Все такая же тоненькая и русая? А ведь, пожалуй, он любил ее. Конечно, это было первое робкое чувство, и никто не знал об этом — даже она. Может быть теперь Анна замужем? Ну, что же, ведь и он уже женат, у него ребенок.

За вокзалом начиналась улица, которая раньше называлась Шоссейкой. В конце Шоссейки одноэтажное кирпичное здание — «Клуб пионеров» читает Стрелков.

— Почему клуб? Ведь это же школа. Здесь он учился.

Но немного дальше ему встречается большой новый дом. Раньше его не было и Стрелков замечает на фронтоне золотистую надпись: «Дубровская средняя школа № 3».

— Номер 3? — говорит он вслух и сам не знает, чему улыбается.

А вот и озеро. По берегу его разбит парк. О, как выросли эти липки, — ведь он с товарищами сажал их на субботнике. Почти у самой дорожки — памятник, обнесенный чугунной решеткой. Приезжий идет туда, под ногами шуршат осенние листья. На мраморной плите полустертая надпись, он зажигает спичку и видит обрывки слов: «... есь лежа... шие»...

Он знает, что здесь написано. Он был еще мальчиком, когда отряд красногвардейцев, бившийся в Курше с восставшими кулаками, привез тела трех своих бойцов. Их похоронили в парке и над братской могилой поставили памятник с короткой эпитафией: «Здесь лежат комсомольцы — Лаврентьев, Селевко, Сычев, павшие смертью храбрых».

На глыбе мрамора лежат оранжевые кленовые листья.

Стрелков идет в дом приезжих. Конечно, он мог бы остановиться у кого-нибудь из старых товарищей, но ведь очень рано, не стоит беспокоить...

Пока дежурная записывает его паспорт, он оглядывает уютную чистую комнату и спрашивает:

— Давно построена эта гостиница?

— Нет, гостиница выстроена всего три года назад, а раньше дом для приезжающих был около фабрики.

Да, да, он знает. Но что же там теперь. Оказывается теперь на том месте построены детские ясли.

— Девятый номер по коридору, направо, — говорит дежурная и дает ему ключ.

Через несколько минут Стрелков лежит в постели. Нужно отдохнуть с дороги, уснуть. Но, кажется, он не уснет...

Весь день он бродил по городу, вспоминал, удивлялся, радовался. Был в райкоме, но там работали новые люди, которых он не знал.

Он пошел на окраину. Там, около кладбища, была улица Старая Пильна, где стоял маленький деревянный домик и сруб колодца, обросший зеленоватым мхом. Приезжий вспомнил, что здесь, на пустыре, он играл в лапту, а вон там стояла ветла, на которой каждую весну гнездились грачи.

Но уже не было пустыря, не было старой дуплистой ветлы. Белые двухэтажные коттеджи поднимались стройными рядами. В узких газончиках пламенели последние настурции и астры. На одном из домов он прочел название: «Улица солнца»...

И все здесь было не так. Ни коттеджи, ни газоны, ни дети, играющие в сквере, ничто не напоминало ему о былом. И все-таки он снова бродил по городу, словно по детству, словно по юности.

А теперь шел в клуб. Швейцар, увидя незнакомого человека, предупредительно говорит:

— Если к Анне Васильевне, то второй этаж, комната 48.

Стрелков поднимается во второй этаж. Вдоль коридора лежит зеленая ковровая дорожка, скрадывающая шум шагов. На двери 48 комнаты табличка: «Директор клуба».

Он отворяет дверь. За неуклюжим письменным столом сидит женщина. Она что-то пишет, но прядка русых волос свисает на лоб и мешает. Она поправляет волосы свободной левой рукой и спрашивает вошедшего:

— Да?

Приезжий молчит. Женщина вглядывается пристальнее.

— Ты? Федя? — она встает, всплескивает руками. — Ну да, Федя Стрелков.

Так его зовут...

Как изменилась Анна. Стала хуже? Нет. Улыбка та же, те же глаза, волосы. Но что-то не то. Сколько ей лет. Должно быть 28. Оба рады встрече.

— Минутку, — говорит она, и идет к телефону. Называет номер и кивком головы предлагает приедем сесть.

— Ваня? Слушай, Ваня... Ну да, это я. Слушай: приехал Федор Андреевич Стрелков... Ну, Федя... Притащу непременно.

— Муж будет рад тебя видеть.

— Муж?

— Ну, конечно! Помнишь — Ваня Кудрявцев?

Ваню Кудрявцева, запевалу, шутника, политпросвета ячейки, он помнит. Значит Ваня ее муж. Он не знал этого.

— В прошлом месяце приезжал Рыжов. Помнишь, такой задористый парень, из фабзавуча? Теперь он в Японии, в полпредстве или в торгпредстве. А Леонид...

Они вспоминали друзей, вспоминали юность. Он расспрашивал о Дубровке, о Ване, обо всем. Потом Анна показывала ему клуб. В одной из комнат его внимание привлекла картина, изображающая Сталина в кругу молодежи.

Вдохновение вело кистью художника, — с такой любовью был изображен великий человек, так свежи и ярки были краски, что Стрелков залюбовался картиной.

Кто мог ее написать? Он хотел бы знать имя художника. На уголке полотна значилась подпись — С. Михайлов.

— Степа, — подсказала Анна Васильевна, — да, да, тот самый...

Вон как, значит он все-таки стал художником. Они вместе начали ходить в школу. Вместе пошли на завод в подручные к мастеру водопроводчику, но у мальчишки была страсть к рисованию. Он рисовал углем, мелом, рисовал на стенах, на верстаке.

— Ты мне не пакости верстак, — кричал на Степу бригадир, дядя Андрей Гусев. — А то я тебя так разрисую.

— Художник, — презрительно говорил он в другое время. — Ты бы вот к чертежам приглядывался, а художников — это из нас не выйдет.

Но Степа не мог остыть к своему любимому делу. Он рисовал карикатуры для стенгазет, рисовал плакаты, с которыми комсомольцы ходили на демонстрации, рисовал декорации и маски для «синей блузы».

— Значит, он все-таки стал художником...

Стрелков закончил вечер у Кудрявцевых. Ваня (впрочем, узнать ли Ваню, чубатого песенника и плясуна, в этом высоком, статном механике!) привел Михаила Петровича, старого монтера. Монтер с напускной обидой говорил:

— Вот они, вот они, Ванюша, какие. По разным городам, по всей земле разлетелись, друзья-то наши. Один летчик, другой в ме-

дацину ударился, третий стишки пописывает, четвертый заводы строит, а мы сидим себе в Дубровке, как тараканы. А?

Монтер смеялся и хитро шурил глаза.

— Ребята, а? Как тараканы...

— Скромничает, — заметил Ваня, обращаясь к Федору, — Петрович скромничает. Он тоже мог бы порассказать, был в Кремле...

— В Кремле? — удивляется Стрелков.

— А отчего нет? — Старик улыбается. — Стахановцам и в Кремль дорога открыта. На съезде был.

Монтер с увлечением рассказывает о поездке в Москву, о встрече со Сталиным: — ну такой, понимаешь, простой человек, в сером костюме, скромный, но словно роднее его никого и на свете не было. Гляжу, а сердце от радости выпрыгнуть из груди готово. Да нет, об этом нельзя рассказать... просто, об этом нельзя рассказать. Нет таких слов, чтобы все чувство выложить. Я и то, понимаешь, стихом описал. Как-нибудь покажу...

Монтер рассказывал о казаках, приветствовавших съезд: «У-у, посмотрел бы — силища!», о гордых победами узбеках: «Хлопок-то, братец, свой теперь!», о Красной Армии, и в связи с этим вспоминали товарищей, работающих в Узбекистане, в Мурманске, на Дону.

И оттого, что в любом уголке страны были близкие, родные, были полпреды своей рабочей Дубровки, — ближе и роднее была необъятная страна...

Они засиделись до полночи и все-таки не хотелось уходить домой, но Михаил Петрович заторопил:

— По домам, по домам. Нам, Федюша, работать завтра. А ты надолго приехал? В гости или по делу?

— По делу, Петрович.

Они попрощались с хозяевами и пошли. Дорогой монтер рассказывал о заводе, о том, что строится новый цех: — А трубы, помнишь, бывало, клупником нарезали, все руки отвертишь, чорт бы его побрал. Теперь нет, станочки поставили. Режет за мое поживаю... Алексеену-то мою помнишь? Супругу-то? Ну, тетку Полю по-вашему. Депутатка, брат, в горсовете...

И приезжий был несказанно рад всем этим рассказам. Он обещал Петровичу побывать на заводе и навестить тетку Полю, и посмотреть новый радиоприемник...

Через три дня друзья снова провожали его. Был золотистый сентябрьский вечер, согретый теплотою дружбы и нежности. Когда ударил второй звонок, Петрович засуетился, неловко поцеловался с Федором, и все наказывал:

— Ты, того, Федя, изредка пописывай. Пиши. Адрес-то не потерял? Ты проверь, записал ли. И, того, если встретишь наших, за-

водских, привет передавай. От Петровича, мол, привет. Ведь вас через мои руки сколько прошло, не сочтешь...

— Счастливо, Федя! — Анна кивала головою. Ваня Кудрявцев набивал его карманы душистой антоновкой.

— Пока, ребята!

— Всего, всего!..

Поезд ушел. Вот уже промелькнули последние домики. Вот за поворотом совсем скрылась из виду родная Дубровка. Стрелков ехал на юг. Через три дня он примет цех нового завода. Встретит новых друзей. И город, где будет он жить, станет его родным городом. И он подумал о том, что и Москва, и Дубровка, и этот новый город одинаково близки ему, — в каждом есть друзья, в каждом кипит созидательная работа, в каждом с гордостью и любовью произносят такое хорошее слово — Родина.

В. Полторацкий.

КАЛИТКА

На горе, над рекой Кинешемкой, шумит сосновый бор. Внизу — Подгорная улица.

Стоит на той улице низенький домик с трех окнах с калиткой. Калитка — граница между улицей и домом, граница миров: шумного — внешнего и тихого — домашнего.

У калитки Анна Вадимовна отдыхала летними вечерами, провожая взглядом далекий закат, толковала с соседками, прислушивалась к звукам духового оркестра, доносившимся из городского сада, потом вставала и кликала детей ужинать.

До калитки она, бывало, каждое утро провожала мужа, у калитки каждый вечер встречала его с работы. И у калитки же Анна Вадимовна пережила два самых больших потрясения своей жизни, противоположные друг другу, как мороз и зной.

Давно это было. Анна Вадимовна слаба и стара, но помнит мельчайшие подробности горестного первого события.

В тот день, как и всегда, она проводила утром мужа на работу и заперла калитку.

Прошел хлопотливый день, полный мелких, докучливых и нудных забот, черный день хозяйки нищей рабочей семьи.

Наступило время возвращения мужа с работы.

В окнах синеют сумерки. В городе заунывно звонят к вечерне.

Хозяйка сидит, положив на острые колени сухие натруженные руки, ждет знакомых шагов под окном и стука о досчатую калитку.

Давно миновал час возвращения, а калитка все молчит. «По

ремонту сегодня остался» — успокаивала себя Анна Вадимовна, но сердце колотилось часто и сбивчиво.

Минуты тянулись неохотно и мрачно, как темные тучки по тусклому вечернему небу.

Но вот раздался стук в калитку, стук необычный, чужой.

Анна Вадимовна трепетно вышла, отперла. У калитки стоял незнакомый человек. Он нервно топтался на месте. Наконец, подобрал нужные слова и заговорил.

— Михайло Михайлыча, — сказал он приглушенно, — домой не ждите.

— Где он?! — воскликнула Анна Вадимовна, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Человек показал движением руки на сосновый бор, что шумел на горе, над низеньким домиком в три окна:

— В больнице.

И ушел этот неизвестный, малоречивый человек. Недалеко, в сосновом бору, на горе, стояла больница, но Анна Вадимовна не могла подняться туда, силы оставили ее, она слегла. Анна Вадимовна представляла, она догадывалась о том, что случилось с мужем. Михаил Михайлович работал на мельнице купца Шемякина. Муж часто жаловался Анне Вадимовне на ужасные условия работы; никаких предохранений у машин нет, при малейшей неосторожности — увечье или смерть.

Только великая нищета семьи заставляла его работать на этом месте.

Ее догадки подтвердились. До нее дошло от соседей жуткое слово:

— Смололо...

На другой день она увидела в больнице бесформенную глыбу, забинтованную марлей.

— Умру, — скорбно прошептал ей страдалец-муж.

Анна Вадимовна залилась слезами:

— А как же я с ребятами?

Он пошевелил сухими, бескровными губами и впал в забытие.

Через день он умер. Родственники и друзья покойного снесли высокий и щелявый гроб в могилу.

Анна Вадимовна ходила просить «способие», но купец отделался от нее тем, что велел приказчику принять ее в грузицы.

Мельница стояла на берегу Волги. По берегу проходила ветка железной дороги. Анна Вадимовна с десятками таких же горемычных городских вдов и выгнанных нуждой деревенских девок выгружала зерно летом из баржей, зимой из вагонов.

Шли годы. У трехконного домика на Подгорной улице повалился забор. Калитка висела на одном крюке и не запиралась. Не страшен стал вор нищему домику.

На маленьком дворике не стало ни куриц, ни козы. Только на веревке, протянутой наискосок, иногда ветряло заплатанное бельишко.

После Великой Октябрьской Социалистической революции, после тяжелых лет гражданской войны вместе с расцветом новой жизни расцветала и семья Анны Вадимовны. Дети подросли, один за другим вступали в комсомол, находили себе работу.

Пришло время, когда младший сын кончил школу фабзауча по мукомольному делу и стал работать на мельнице, на той самой бывшей купца Шемякина мельнице, где погиб его отец.

И тогда дети сказали старой матери:

— Сиди дома, отдыхай.

Анна Вадимовна стала домашней хозяйкой богатой, веселой, молодой семьи.

Домик, забор и калитка были починены, на дворе завелась мелкая живность. Анна Вадимовна жила да радовалась.

И вот однажды под вечер раздался стук в калитку, стук частый и такой громкий, что всполошились даже куры в клетушке. Старенькая, сухонькая Анна Вадимовна привычно вышла, отперла. У калитки стоял возбужденный, запыхавшийся человек.

В душе Анны Вадимовны шевельнулось старое, леденящее, чувство страха; уж не случилось ли с кем-нибудь из ее детей то, что унесло их отца в раннюю могилу?..

— Анатолий дома? — спросил человек.

Анна Вадимовна вздохнула легко; в его голосе звучала радость.

— Мне надо скорее, скорее видеть его!

Незнакомец спешил и протиснулся в калитку боком, чтобы не столкнуться неуспешную посторониться Анну Вадимовну.

Анатолий спал. Ему снился какой-то сложный и непонятный, но радостный сон.

Председатель завкома будил его настойчиво и шумно, но он не просыпался. Потом Анатолий сидел на кровати и долго не мог ничего понять. Рассказ председателя завкома показался ему продолжением сладкого и радостного сна.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени! Сон это или явь?

— Да, это правда, Анатолий! На мельнице уже идет митинг, тебя там ждут. В завкоме уже лежат поздравительные телеграммы из Москвы.

Широко распахнув калитку, они поспешно выходят на улицу. Анна Вадимовна смотрит им вслед... Судя по разговорам, по сияющим лицам сына и посетителя произошло что-то хорошее, доброе; Анатолий награжден, возвеличен. Сын! Анне Вадимовне хочется вернуть его, обнять, припасть седой головой к широкой сыновней груди, уронить слезу радости.

А сын с председателем завкома уже далеко. Они спешат изо всех сил. Им кажется, что узкие заснеженные улицы старого города тянутся бесконечно долго.

Впритруску они спускаются с горы, по заледенелым узким мосткам переходят речку, недалеко впадающую в Волгу, и вот уже впереди высится стройная, ажурная башня элеватора, гудит, хлопчет закопченный прямоугольник мельницы. Поодаль спящая под ледяным покровом Волга, ближе — вагоны и склады. Заводской двор заполнен рабочими. Веселые, улыбчивые лица, приветствия, поздравления.

Все уже знают о награждении Анатолия, а о его работе, его производственных достижениях им известно давно.

**
**

Калитка широко открыта. С достоинством и ласковой приветливостью встречала старая мать друзей своего счастливого сына, родных и знакомых.

— Пожалуйте... Проходите, проходите...

Она принимала поздравления, по-молодому улыбалась и радовалась открытой и большой радостью, исцелившей ее от боли старых воспоминаний.

г. Кинешма.

М. Шошин.

I

А. Благов — Сталин	5
А. Благов — За партию, за Сталина!	6
М. Марков — О Конституции	8
И. Чуев — Имя Сталина	10

II

В. Полторацкий — Творцам новой жизни	12
А. Благов — Преданный сын партии и народа	13
• Дм. Семеновский — Клавдия Сахарова	15
М. Марков — Речь Дуси Лебедевой	16
• Дм. Семеновский — Советская женщина	18
А. Князев — Достойный кандидат	20

III

А. Благов — Родина	26
• Дм. Семеновский — Родина	29
А. Благов — Стахановцам	30
• Дм. Семеновский — Иваново	32
А. Благов — Песня	33
М. Шошин — Председатель сельсовета Новоселов	35
В. Полторацкий — Родина	39
М. Шошин — Калитка	43

Сборник состоит из стихов и рассказов, посвященных вождю народов т. Сталину, Сталинской Конституции, дню выборов в Верховный Совет СССР и нашей замечательной родине.

Редактор *Д. Г. Прокофьев.*
Техред *В. П. Федоров.*
Корректор *А. С. Солодова.*

*

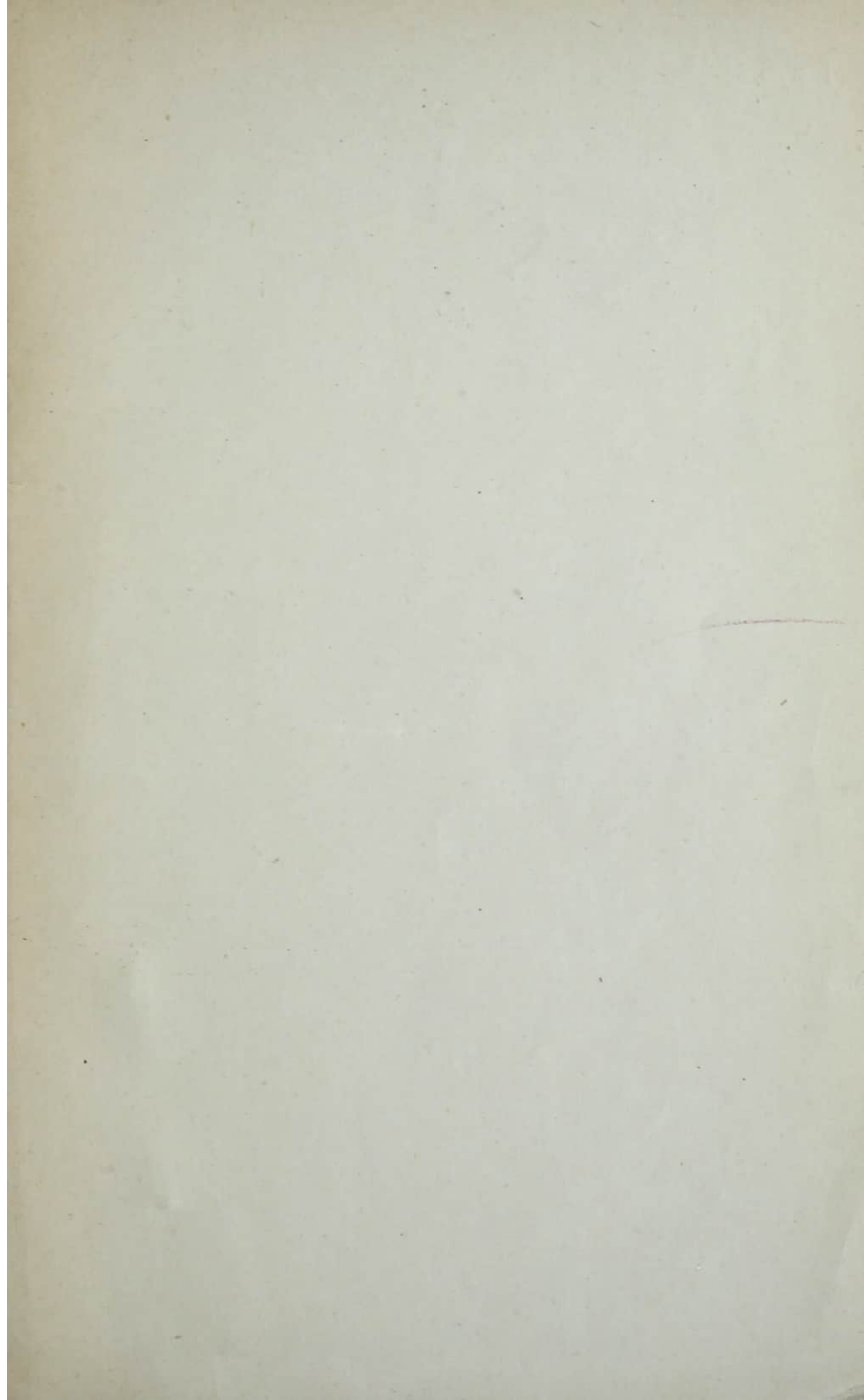
Сдано в набор 23—27 ноября
1937 г. Подписано к печати
29 ноября 1937 г. Формат
82×108/32. Бумага Камского
бумкомбината. Тираж 5000
экз. Бум. л. $\frac{3}{4}$. Печ. л. 3.
Учетно-авт. л. 2,5. В бум.
л. 92 160 зн. Инд. X—56.
Изд. № 81. Уполн. Ивобд-
лита № В—1554.

*

Типография издательства
Ивановского обкома ВКП(б).
Иваново, Типографская, 4.
Заказ № 7389.

*

Цена 1 рубль
Переплет 50 коп.

1 руб.

